

МИКОНИМЫ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ В СИНХРОННОМ И ДИАХРОННОМ АСПЕКТАХ

Людмила Анатольевна Пермякова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

методист кафедры методики гуманитарных дисциплин

Пермский краевой институт повышения квалификации

работников образования

614068, Пермь, ул.Большевикская, 210, 236-87-01. metod@ipkro.perm.ru

Статья содержит характеристику выявленного по данным диалектных словарей корпуса номинаций грибов, их сравнительно-сопоставительный анализ, исследование образных номинаций миконимов, описание особенностей функционирования их в синхронии и диахронии. Вычленение миконимов из словарей стало основой для описания в динамике процессов развития лексического состава говоров, позволило выявить степень устойчивости номинаций в данной специфической группе природных номинаций.

Ключевые слова: миконимы; номинация; устойчивость; вариативность; постоянный признак; функция; пересемантизация.

Пермские говоры возникли на базе синтеза элементов нескольких групп русских говоров, что позднее не воспрепятствовало появлению у них своих индивидуальных черт, образованию самобытной лексики и фразеологии. Их полное лексикографическое описание – одна из актуальных задач, без решения которой невозможно изучение региональной языковой картины мира.

Значительный языковой пласт пермских говоров отражен в «Словаре русских народных говоров» (далее – СРНГ), разработанном под руководством Ф.П.Филина и Ф.П.Сороколетова по источникам XIX–XX вв. К нашему времени уместным становится признание учеными существующих его «недостатков». К.А.Караулис в статье «О Словаре русских народных говоров» писал: «Динамика диалектизмов и отражение ее в Словаре является проблемой, которая осталась открытой во время выработки теоретических основ Словаря. Областной лексический материал, который собран за 170 лет, теперь является только материалом, который необходимо будет когда-то дополнить» [Караулис 1974: 215]. В полном объеме в Словаре не представлен ряд тем, и в частности, внутренняя территориальная паспортизация такой специфической лексики, как миконимы. Наличие их в региональных словарях, архивных материалах, в картотеках свидетельствует о том, что корпус миконимической

лексики как одного из номинантов природы представлен в говорах достаточно широко и до сих пор находится в активном бытовании.

В статье рассматривается лексикографическая «судьба» пермских диалектных названий грибов. Вычленение пермских миконимов из корпуса СРНГ, «Словаря пермских говоров» (далее – СПГ), «Фразеологического словаря пермских говоров» (далее – ФСПГ) преследовало ряд целей: сформировать корпус пермских миконимов, вскрыть некоторые закономерности их функционирования, в том числе и во временной перспективе (с XIX в. до наших дней), выявить степень их устойчивости, особенности их пересемантизации. Важный аспект исследования – анализ сложившейся лексикографической практики их описания.

Миконимическая лексика пермских говоров – это историческое явление, складывавшееся и развивавшееся в течение сотен лет. Номинации по теме «Грибы» с пометкой *Перм.* в СРНГ и данные пермских словарей позволяют скорректировать лексическое значение миконимов, выявить их вариативность, установить дату первого словарного фиксирования. Анализ корпуса этих словарей позволил выявить значительный по составу миконимический материал. В публикации он обобщен и представлен в сравнительно-сопоставительной таблице. Объектами сопоставления стали обобщенные, собирательные назва-

**Пермякова Л.А. МИКОНИМЫ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ
В СИНХРОННОМ И ДИАХРОННОМ АСПЕКТАХ**

ния грибов в СРНГ и пермских региональных словарях, названия скоплений грибов, номинации отдельных грибов – по месту произрастания, качеству, форме, цвету, времени появления. В статье также уделено внимание вариативности

одного и того же названия гриба, произведен семантический анализ, в ходе которого установлено наличие в названии дополнительных характеристик.

Объект сравнения	СРНГ (1817 – 1967)	СПГ (2002), ФСПГ (2005)
1. Обобщенное название грибов	<i>гри'б</i> (1856) <i>гу'бы</i> / <i>чистые гу'бы, поганые гу'бы</i> (1856) <i>гу'бки</i> (1918)	<i>гри'б</i> / <i>грибо'к</i> , <i>грибы'</i> <i>гу'бы</i> / <i>гу'бочка</i> (уменьш.-ласк.) <i>губы'шечка</i> (то же, что губочка).
2. Название скопления грибов, их кучности	<i>ры'тик</i> (1858), <i>но'вый ры'тик</i> (семья грибов, 1858)	<i>мо'ст</i>
3. Названия отдельных грибов		
Белый гриб	<i>белогри'б</i> (1897)	<i>белогри'б</i> / <i>белогу'б, коро-ве'нник</i>
Валуй	<i>ку'льбик</i> (1856), <i>кульба'к</i> (1898) / <i>минду'ль</i> (1930)	<i>кубы'шка</i> <i>кольбу'шки</i>
Волнушка	<i>во'лвенка</i> (1962) <i>волве'ница</i> (1856)/ <i>волну'шка</i> (1856), <i>волвя'нка</i> (1847–1921) <i>волмя'нка, волма'нка</i> (1895–1896), <i>волве'ник, волве'ница волвени'ца, вол-ля'ница</i> (1930) <i>во'лвенцы</i> (1846), <i>во'лменка</i> (1847), <i>волни'ца</i> (1930), <i>волня'нка, волни'нка</i> (1958), <i>о'лвенка</i> (1973).	<i>во'лвенка</i> <i>волве'ница</i> / <i>волвену'шка,</i> <i>волва'нка, волны'нка, исаковица,</i> <i>беля'нки, бо'лменка</i>
Груздь	<i>гр'узьель</i> (1896) / <i>ело'вик</i> (1899), <i>моло'чник</i> (1963 – 1965).	<i>сухо'й гру'зель</i> <i>сыро'й гру'зель</i> / <i>оси'новик,</i> <i>кура'вики</i> (желтые грузди), <i>же'лтик, желто'вик</i> (желтый груздь), <i>коро'вка</i> (черный груздь), <i>черноды'рник</i> (черный груздь), <i>ку'йбыш</i> (гриб, похожий на груздь).
Лисичка	<i>петушо'к</i> (1973)	<i>желту'шка</i>
Масленок	<i>масла'к</i> (1973) / <i>маслу'ха</i> (1852) <i>ма'сленик</i> (1954)/ <i>же'лтик</i> (1817), <i>желтя'вка</i> (1964), <i>моло'чник</i> (1965).	<i>масла'к</i> / <i>масля'к, масля'нка.</i> <i>ма'сленик</i> / <i>лупе'нники</i> <i>подсосно'вик, слезу'н.</i>
Мухомор	<i>соба'чьи гу'бы</i> (1897)	<i>богомор'</i>
Моховик	<i>коровя'к</i> (1930)	<i>коровя'тник</i> / <i>реше'тник</i>
Опенок	<i>опё'ныш</i> (1896)	<i>опё'ныш</i> / <i>опё'нышок, петушки'</i> (ложные опята)
Подосиновик	<i>оси'новик</i> (1852)	<i>оси'нник, кра'сный гри'б, крас-ноголо'вик, черногу'бы.</i>
Подберезовик	<i>оба'бок</i> (1895)	<i>оба'бок</i> / <i>обла'пок</i>
Рыжик	<i>ба'бье у'хо</i> (1883-1889)/ <i>бере'зовый ры'жик</i> (1847), <i>борови'к</i> (1897).	<i>ба'бье у'хо</i> / <i>у'хо</i> <i>сосно'вый ры'жик, га'врины</i> <i>гу'бы.</i>
Свинушка	<i>свина'рь</i> (1967–1973)/ <i>свиноро'й</i> (1895-1897)	<i>свина'рь</i>
Сыроежка	<i>огнё'вка</i> (1930), <i>моло'чник</i> (1963 – 1965), <i>желтя'вка</i> (1964), <i>красу'лька</i> (1963-1965)	<i>сурое'жка, бра'нки, песья'нка</i> <i>синя'вка</i>
Шампиньон	<i>соба'чьи гу'бы</i> (1855)/ <i>бер-ше'дь</i> (1930)	<i>наво'зные /назё'мные гу'бы</i>

Из сопоставления можно увидеть, что в течение длительного периода, начиная с 1817 г. и до наших дней, устойчивыми являются обобщенные номинации: *гриб* ‘всякий гриб с мягкой шляпкой, годный для сушки, в противоположность волнушкам, груздям и рыжикам, которые имеют твердую шляпку и которые солят’, *гу’бы* ‘всякого рода грибы’. Слово *гу’бы* по-прежнему является диалектным обобщенным названием рыжиков, маслят, волнушек, сыроежек, всех съедобных грибов, за исключением белых и груздей: слово подчеркивает их специфику (волнообразная форма, гладкая поверхность). Обобщающая номинация *гриб* активно используется как основа для составных новообразований, где указаны отдельные признаки гриба (от цветового, качественного до указания на съедобность): *кра’сный гри’б* – ‘подосиновик’ (Лысехино Караг.), *си’ний гри’б* ‘съедобный гриб’ (Ушакова Сол.), *соба’чий гри’б* ‘несъедобный гриб’ (Рогали Очер.). В этих случаях первый компонент составного наименования конкретизирует и сужает обобщающий лексический смысл, заложенный в первоначальной номинации. Эпитеты *чи’стый*, *кра’сный* вносят в номинацию гриба дополнительный лексический смысл и не только указывают на съедобность гриба, но и отмечают его отборность, качественность, в известной степени идеализируют объект (ср. номинации подосиновика, одного из наиболее ценных грибов *красный гриб* и однословное западное *красноуха*). Эпитет *барский* при обозначении большого гриба (Караг.), белого гриба (Кунг.) подчеркивает его особый внешний вид (ср. в ярославских говорах *барский* ‘щеголеватый’).

Мотивирующая основа *гриб* часто становится частью сложного номинативного существительного или является частью составного наименования: *белогри’б* ‘белый гриб’ (СРНГ, 1897; СПГ, Попова-Останина Сол.), *синегри’б* ‘съедобный гриб’ (СРНГ, 1973; СПГ, Толстик Сол.), *че’рный гри’б* ‘любой гриб в сушеном виде’ (Ушакова Сол.). Это же можно наблюдать и в номинации *гу’бы*: *соба’чий гу’бы* ‘несъедобные грибы’ (СРНГ, 1897; СПГ, Володино Сол.), *наво’зные /назе’мные гу’бы* ‘грибы шампиньоны’ (СПГ, Вильва Сол.), *зво’нкие гу’бы* ‘блюдо из разных грибов: волнушек, путиков, груздей, быков, белянок’ (Жуланова Сол.), *га’врины гу’бы* ‘разновидность рыжиков’ (Лямкино Караг.).

Устойчиво, как мы видим, образование номинаций миконимов по основным признакам: цвету, форме, месту произрастания, качеству: *белогри’б* ‘белый гриб’ (СРНГ, 1897; СПГ, Попова-Останина, Тюлькино, Толстик Сол.); *ба’бье у’хо* ‘гриб типа рыжиков’ (СРНГ, 1883–1889; СПГ,

Б.Соснова Больш.), *подсуло’нник* ‘гриб, растущий в поле под укладкой снопов, суслонов’ (СРНГ, 1973; СПГ, В.Мошево Сол.), *во’лвенка*, *волве’ница* ‘гриб волнушка’ (СРНГ, 1862, 1856; СПГ, Толстик Сол., Губдор Краснов.), *масла’к*, *ма’сленик* ‘гриб масленок’ (СРНГ, 1973, 1954; СПГ, Сосновый Бор Ос., Тетерина Сол.) *опё’ныш* ‘гриб опенок’ (СРНГ, 1896; СПГ, Толстик Сол.), *оба’бок* ‘гриб подберезовик’ (СРНГ, 1895; СПГ, Тетерина Сол.), *свина’рь* ‘гриб свинушка’ (СРНГ, 1967–1973; СПГ, В.Мошево Сол.), *синегри’б* ‘съедобный гриб’ (СРНГ, 1973; СПГ, Толстик Сол.), *соба’чий гу’бы*, *грибы* ‘несъедобные грибы типа мухомора, путика, скрипуна’ (СРНГ, 1897; СПГ, Володино Сол.), *порхо’вка* ‘гриб дождевик’ (СРНГ, 1848; СПГ, Куршим Перм.), *ошлепа’н* ‘переросший гриб’ (СРНГ, 1896; СПГ, Толстик Сол.), *ба’ка* ‘гриб, растущий на стволах деревьев’ (СРНГ, 1854; СПГ, Толстик Сол.). Отмеченные названия с ясной мотивировкой можно рассматривать как лексическую основу миконимической группы, в которой закрепился взгляд на слово как на компонент сознания человека, говорящего коллектива, когда разгадка названия заключена во внутренней форме слова [Блинова 2007: 16].

Номинации, которые обладают наибольшей вариативностью, образуют особые лексические гнезда. Среди них в естественном языке выделяются названия волнушек и маслят. В СРНГ отмечена первая номинация *во’лвенца* 1846 г., по 1958 г. фиксируются ее лексические параллели *волну’шка*, *волве’ник*, *волве’ница*, *волвя’ница*, *волве’нка*, *волвя’нка*, *волже’нка*, *волме’нка*, *волма’нка*, *волмя’нка*, *волни’ца*, *волни’нка*, *красу’лька*. Многочисленность названий гриба создается за счет многообразия словообразовательных синонимов и вариантных фонетических форм. Основное название волнушка мотивировано словом *волна* (указание на волнистый край шляпки, на наличие волн-кругов – с одновременным включением с суффикса *ушк(а)* – как в словах *свинушка*, *чернушка*). Эту связь носители языка в настоящее время могут и не осознавать, и затемнение внутренней формы приводит к появлению форм *волы’нка* (Романово Ус.), *волве’ница* (Пянтег Черд.), *волня’нка* (В.Мошево Сол.); *волва’нка*, *волже’нка*, *волве’ница* (Толстик, Жуланова Сол.), *во’лжанка* (Калинино Кунг.). Как представляется, многие из этих форм соотносят гриб с обозначением сырого *волглый* (гриб действительно часто растет в сырых местах, по краям болот).

Привнесение в номинации волнушки дополнительных конкретизирующих характеристик демонстрируют более поздние, очевидно, назва-

ния *иса'ковица* (Острожка Ох.) и *беля'нка* (Опалиха Киш.). Последний пример показывает, что для диалектоносителя важным оказался цветовой признак, а не особенности формы – шляпка белого цвета (впрочем, у грибников известна и волнушка-розовушка). В затемненной номинации *иса'ковица*, которая не получила широкого распространения, вероятно, содержится отсылка к символике распространенного имени *Исаак*, осознаваемого как типично еврейское (ср. распространенное нарицательное название еврея *изя*). Аналогично в народной речи используется название не значимой для человека птицы воробей *еврейчик* – пермск. (также неодобрительность нарицания этим именем неразборчивого ощущается в поговорке *Исак русак, что ни дай, всё прибирает*). Волнушки во многих местах Прикамья не считаются ценными грибами.

Наиболее частотная номинация гриба *масленник же'лтник* ('съедобный гриб со слизистой, маслянистой кожицей на шляпке'), как отмечено в СРНГ, зафиксирована в 1817 г., в дальнейшем фиксируются словообразовательные варианты: *желтя'вка*, *масле'нок*, *ма'сленник*, *маслу'ха*, *масла'к*. В СПГ данные номинации повторяются: *масла'к* (Сосновый Бор Ос.), *масля'к* (Юм Юрл., Толстик Сол.) *ма'сленник* (Тетерина, Володино Сол., Ильинское), но отмечены и другие варианты названия гриба – *подсосно'вик* (Григорьевское Нытв.), *лу'пенник* (Б.Долды Черд.), *слезу'н* (Пянтег Черд.). Дополнительные названия содержат либо уточнение по месту произрастания, либо указание на способ обработки грибов в процессе приготовления (глагол *лупи'ть* обозначает действие, связанное с очисткой от кожуры). Номинация *слезу'н* (Пянтег Черд.), вероятно, появилась по причине того, что маслянистая поверхность позволяет влаге не растекаться, а каплями держаться на шляпке плодового тела.

Сходное явление наблюдается и в названии гриба сыроежка *бра'нки* (Нилиги Ильинск). Слово связано с глаголом, обозначающим сбор грибов, – *брать* (в номинации содержится общее указание на то, что этот гриб следует собирать). Этот глагол мотивирует и слово *сбор* 'собранные грибы' (СРНГ, 1910), *обо'р* (Толстик Сол.) 'остатки грибов'. Заметим, что в пермских говорах собирание грибов чаще все же обозначается глаголом *лома'ть* (СРНГ, 1855; СПГ, Жуланова Сол.). Причина использования глагола с «разрушительной» семантикой – в том, что основным объектом заготовления грибов в прошлом были прежде всего шляпочные пластинчатые, наиболее ценные грибы – грузди и рыжики, сбор которых предполагает слом ножки у основания (ср. аналогично о заготовке – *ломать веники*). Поэтому и появившийся в более позднее время сбор

других грибов для консервирования, маринования по-прежнему связывается с привычным *ломать*.

Миконимы показывают разнообразие фонетических трансформаций: сыроежка – *сурое'жка* (Белобородово Нытв.), *скрипу'н* – 'горькие губы, несъедобные грибы' (СРНГ, 1973) – *скрыпу'н* (Володино Сол.). В номинациях *сурое'жка* / *сурое'жка* этимологические корни различны: первое наименование указывает на то, что гриб можно употреблять в пищу в сыром виде (по данным В.А.Меркуловой, название *сурое'жка* является общеславянским, относится к праславянской эпохе [Меркулова 1965:161]). С другой стороны, мотивирована и номинация *сурое'жка* (от *суровый* – 'грубый, неровный, шероховатый').

Сравнение позволяет выявить нарастающее по времени увеличение количества названий одного и того же гриба. Свойство дождевого гриба, мякоть которого при высыхании превращается в темную пыль, отражено в номинациях: *таба'чий гри'б*, *лягу'шья ба'ня* (Мазунино Кунгурск.), *порхо'вка* (Курашим Пермск.), *во'лчий таба'к*, *медве'жья ба'ня* (Сретенское Ильинск.). Подобная множественность связана с многообразием используемых в этой сфере семантических моделей, с реализацией большого словообразовательного потенциала диалектной речи. Принцип несъедобности, очевидно, стал причиной конкретизации названий данного вида гриба соотносением с животными: *во'лчий*, *медве'жья*, *лягу'шья*. Компоненты *во'лчий*, *медве'жья*, присоединяемые к слову *таба'к*, указывают на «ненастоящий», «негодный для употребления» табак – компонент *во'лчий* встречается часто в названиях растений, ягод и указывает на то, что их не употребляют в пищу [Меркулова 1967:157]. Однако диалектоносителю важно подчеркнуть не только этот признак, но и указать на другие отличительные особенности гриба. Названия характеризуют гриб как «вместилище мелкой легковесной пыли» [Меркулова 1965:4]: *ба'ня*, *таба'к*. Сходство запаха содержимого старого дождевика с запахом табака, а также способность оказывать воздействие на дыхательную систему человека, необычные характеристики гриба (способность дымить, увеличиваться, менять цвет, при высыхании превращаться в темную пыль) стали причиной того, что гриб, не находящий применения в практической жизни, обратил на себя внимание человека. Возможно, для такого рода значимыми оказались и мифологические коннотации. Номинация *лягу'шья ба'ня* (Мазунино Кунгурск.) отмечает способность гриба увеличиваться в размерах, разбухать, надуваться (свойство, которое чаще приписывается жабам, лягушкам). Лягушки

издавна, как земноводные «чудища», поражали воображение человека и являлись неисчерпаемыми источниками как мифологических отождествлений, так и «живых метафор» [Блинова 2007: 311]. Поскольку в народном сознании гриб дождевик воспринимается как опасный и одновременно как способный излечивать тяжелые болезни (рак, оспу, туберкулез), возникает соотношение его с лягушкой – с животным, которое «приносит» дождь, вообще символизирует плодородие и силу. Аналогично как проявление общей тенденции к языковому маркированию реалий, особо эмоционально воспринимаемых, увеличивается в говорах количество названий мухомора – не только *собачья губа* (СРНГ), но и, по данным СПГ, *пусты'е губы* (Усть-Егва Ильинск.), *скрипу'н* (Юм Юрл.), *богомор'р* (Никулино Добр.). Последнее название идиоматично и, возможно, отражает народное представление о связи этих грибов с миром хтоническим, запредельным (мухомор активно используется в знахарской практике, в том числе для лечения рака). Во внутренней форме названия отражена, конечно, не способность гриба вызвать смерть бога, а идея чудесного воздействия на мор, на смертельно опасные болезни.

Как видно из соотнесения, некоторые номинации с течением времени «мутировались»: одна и та же номинация могла стать названием совершенно разных грибов. Так номинация *моло'чник* (СРНГ, 1963–1965) является названием сыроежки, масленика, груздя; номинация *губы* является обобщающим названием съедобных грибов, всех, за исключением белых и груздей. Номинация *ело'вик* служит названием груздя (СРНГ, 1899) и рыжика, словом *же'лтик* называли гриб масленок (СРНГ, 1817), по данным СПГ *же'лтик* (Володино Сол.) используется как название желтого груздя. Подобные диффузные названия объяснимы: ассоциативно-образное мышление индивидуально, умение сопоставлять, сравнивать, объединять понятие и образ, возникшие в нашем сознании, – сложный процесс, но достаточно уникальный и способствующий появлению номинаций, выполняющих не только номинативную, но и эмоционально-оценочную функцию. Благодаря этому в пермских говорах появились образные номинации *гаврины губы* – ‘разновидность мелких рыжиков’ (Лямкино Караг.), *ку'пчики* – ‘маленькие грибы’ (Усолье), приземистые, с круглой шляпкой (очевидно, ассоциировались с образом купца, отсюда и столь необычное сопоставление с предприимчивым, любящим похвалить товар человеком). Название *гаврины губы* содержит отсылку к имени *Гавря* из *Гавриил*, которое мотивирует оценочное *гав-*

рик о простаче, малоуважаемом (в сибирских говорах также о маленьком).

Номинация *мо'ст* – ‘скопление, гнездо грибов’ (СРНГ, СПГ – Володино Сол.) служит названием конкретного вида грибов: рыжиков, груздей, именно для них характерна кучность произрастания. В тех же соликамских говорах скопление грибов называется *ку'рень* (Толстик Сол.). Эти двуплановые по содержанию номинации строятся на ассоциативной связи с другим хозяйственными явлениями – «во... внутренней форме реализованы возможности человеческого мышления, образное восприятие мира» [Журавлев 2005: 128]. Уподобление грибного места *мосту*, деревянному настилу для перехода через что-л. основывается на указании на отсутствие непокрытого участка земли и одновременно «одомашнивает» природный объект. Название *курень* соотносит грибное место с другими местами добычи (*курень* – пермск. ‘место, где выжигали уголь, где заготавливали лес’; ср. сиб., арх. *курень* ‘место, где много ягод’). Название ложных опят *петушки* (Половодово Сол.) указывает на зонтичную «юбочку» под шляпкой гриба, которая ассоциируется с оперением на голове петуха и по цвету, и по форме. Потребность в яркой номинации гриба связана с осознанием его как опасного для человека явления. Заметим, что это название в Прикамье применяется и к лисичкам (СРНГ *петушо'к* (1973) – ‘гриб лисичка’), которые в народной среде игнорировались, воспринимались как «алкогольные» (Юрла).

Материалы СРНГ позволяют соотнести пермскую миконимическую лексику с номинациями других объектов природы. Слово *ба'рхатник* ‘вид съедобных грибов с бархатистой шляпкой’ (СРНГ, 1930) совпадает с народным названием лекарственного растения амарант («*Бархатник тоже очень полезный. Здесь есть на горе одуванчик, есть бархатна трава, медунки*» – Усть-Егва Ильинск.); другие диалектные названия этой травы – *краса, красота, петуший гребень*. СРНГ отмечает такое явление, как перенос миконима на наименование леса – в номинации *грузде'льник* ‘лес, в котором много груздей’ (1855 г.; ср. в СПГ *масте'льник* ‘лес, где много маслят’ – Шульгино Бер.). Фиксации миконимов в СРНГ дают хорошую возможность для прояснения внутренней формы названия. Так, слово *ры'тик* (СРНГ, 1858) описано как обозначение семьи грибов и как название рыхлой от растущих грибов почвы.

Региональный словарь предлагает более детальную проработку грибной темы. В СПГ обращено внимание и на то, как называются отдельные части гриба: ‘верхняя часть гриба, шляпка’ – *кля'чик* (Попова–Останина Сол.),

ша'хмат (Григорьевское Нытв.). Если название *клячик* соотносится с диалектным словом *кляч* – ‘короткий толстый шес’т, в ряде мест ‘чурбан’, т.е. указывает на утолщение шляпки, то название шляпки *шахмат* затемнено. Скорее всего, оно соотносится с использованием слова *шахматы* в говорах для обозначения чередующегося светлого и темного цвета (откуда свердловское *шахматная трава* ‘трава с белыми цветами типа львиного зева’, *шахматный олень*, *шахматная кошка* ‘о трошерстной масти животных’, *шахматная погода* ‘о неустойчивой, дождливой погоде’. Любопытно в связи с этим пермское диалектное выражение *в шахмат взять* ‘перевернуть вверх дном, перевероршить’ (Кунг.), где эта идея перемежения цвета становится знаком беспорядка.

Образные номинации грибов содержат в своей семантике дополнительные эмоциональные созначения, что более детально фиксируют региональные словари. Так, название *ива'нушко* ‘гриб моховик темно-бурый’ (СПГ, Жуланова, Толстик, Тюлькино Сол.; в СРНГ указывается лишь ‘название некоторых грибов’ – 1883), мотивировано именем *Иван* (в других территориях – *ива'нчик*). Слово соотносит гриб с человеком и содержит оценку распространенного и одновременно малопривлекательного гриба (ср. использование слова *иванушка* для обозначения обычного кислого, слабого кваса – пермск.). Подобным образом возникла и номинация *ду'ньки* – ‘придорожные малоценные грибы сероватого цвета’ (Калинино Кунг.; в других территориях *ду'ня*, *дуня'ха*, *дуня'шка*). В этих случаях имя собственное становится нарицательным, не утрачивая при этом до конца признаков, присущих этому слову, а именно – эмоциональной (ласкательно-пренебрежительной) окраски.

Эмоционально и название переросшего гриба *ошлепа'н*, связанное с глаголом *шлепать* ‘делать неаккуратно’. Неслучайно применение этого названия для оценки неуклюжего, неповоротливого человека (обычно ребенка, ср. также *ба'бы* – *ошлепа'ны*, СРНГ, 1899). В СПГ такого рода переносных номинаций больше: *ки'слый оба'бок* ‘о слабом, вялом ребенке’, *ба'ка*, *ба'ка е'ра* ‘о толстом, неповоротливом, непривлекательном, неаккуратно одетом человеке; бестолковом, безынициативном или легкомысленном’. С другой стороны, СРНГ фиксирует номинацию *гри'бко* – ‘прозвище мужчины невысокого роста’ (1930 г.).

Таким образом, выявленный в словарях корпус миконимической лексики пермских говоров – материал, который может послужить основой для создания самостоятельного словаря миконимической лексики Прикамья. Исследование этой

лексики в синхронном и диахронном аспекте в сопоставительном плане показывает, что для большинства номинаций-миконимов характерна устойчивость во времени. Сопоставление показывает, что основные постоянные признаки, благодаря которым создаются номинации миконимов, (указания на цвет, форму, место произрастания, качество), имеют в целом универсальный характер. Появление разных номинаций для одного и того же гриба характерно для отдаленных, изолированных территорий; нередко в них отражено индивидуальное видение мира природы диалектоносителем. Важная причина замены номинаций и варьирование их – затемненность внутренней формы слова.

Еще одна особенность описания пермских миконимов в СРНГ – то, что они охарактеризованы прежде всего по номинативной функции, тогда как для СПГ характерно включение большого количества номинаций, выполняющих ассоциативно – образную, эмоционально-оценочную функции.

¹В СРНГ содержатся указания на место употребления слова (населенный пункт, область или край, республика), на год фиксации слова. СПГ содержит материалы конца XX в., полученные из ряда районов Прикамья. В статье применяется условное сокращение территориальных помет: Бард. – Бардымский; Бер. – Березовский; Больш. – Большесосновский; Вер. – Верещагинский; Горноз. – Горнозаводский; Добр. – Добрянский; Ел. – Еловский; Ильинск. – Ильинский; Караг. – Карагайский; Киш. – Кишертский; Краснов. – Красновишерский; Куед. – Куединский; Кунг. – Кунгурский; Лысьв. – Лысьвенский; Нытв. – Нытвенский; Окт. – Октябрьский; Орд. – Ординский; Ос. – Осинский; Ох. – Оханский; Оч. – Очерский; Пермск. – Пермский; Сив. – Сивинский; Сол. – Соликамский; Сукс. – Суксунский; Уинск. – Уинский; Ус. – Усольский; Чайк. – Чайковский; Част. – Чагинский; Черд. – Чердынский; Черн. – Чернушинский; Чус. – Чусовской; Юрл. – Юрлинский.

²Объекты для сравнения, занесенные в «Сравнительно-сопоставительную таблицу» из словарей, не являются полным отражением языкового пространства миконимической лексики на современном этапе, поэтому будут дополнены экспедиционными материалами, собранными по «Вопроснику», из архивных материалов, картотек университетов. Это необходимо и для того, чтобы «Словарь миконимической лексики пермских говоров» был наиболее достоверным и комплексным.

Список литературы

- Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск: ТГУ, 2007. 311 с.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1998.
Журавлев А.Ф. Язык и миф / Лингвистический комментарий к труду А.Н.Афанасьева «Поэтиче-

**Пермякова Л.А. МИКОНИМЫ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ
В СИНХРОННОМ И ДИАХРОННОМ АСПЕКТАХ**

ские воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1003 с.

Караулис К.А. О Словаре русских народных говоров. Вып.1-10 // Диалектная лексика 1974 / под ред. Ф.Ф.Филина, Ф.П.Сороколетова. Ленинград: Наука, 1976. С.213–219.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967. 259 с.

Меркулова В.А. Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.

ФСНГ – Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: ПГПУ, 2005.

СПГ – Словарь пермских говоров. В 2 т. Пермь: ПГПУ, 2000-2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-41. М.-Л.: Наука, 1965.

MYCONYMS OF PERM DIALECTS IN SYNCHRONIC AND DIACHRONIC ASPECTS

Lyudmila A. Permyakova

**Post-Graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Pedagogical University**

The aim of the article is to examine and compare the range of mushroom names and their semantic models. Through comparative analysis we research the metaphorical nature of these words and their functioning in the Russian language. The author of the article has been the first to consider the myconyms of the Perm dialects as the historical phenomenon. Myconymic vocabulary has formed the basis for revealing linguistic processes in their dynamics as well as helped to show the degree of nomination stability.

Key words: myconyms; nomination; stability; variability; constant feature; function; semantization anew.